

ЧУДЕСА

Если Библия — достоверная запись истории, Агнос, то Вы сейчас сталкиваетесь с самой трудной стороной исторического аргумента в защиту Бога, — именно, с чудесами. Вы теперь готовы встретиться с Богом, Который придаёт значение нашей жизни, — с Богом, Который в истории подтверждает подлинность Своего существования в отношении эмпирической, осязательной и конкретной областей. В следующих двух главах мы посмотрим на чудеса христианства, а в следующих за ними четырёх главах мы рассмотрим самое важное чудо, — Самого Иисуса Христа.

Подчёркивая чудеса, мы не добавляем ничего нового к Библии. Христианские апологеты ничего не выдумывают, когда ставят особое ударение на чудесах. Они уже находятся в Библии (Иоан. 20:20; Евр. 2:3—4). Мы не пользуемся какой-то стратегией, придуманной христианами после написания Библии. Чудеса занимают очень важное место в деле свидетельства Священного Писания. Они являются не дополнительной, а неотъемлемой частью Божьего откровения. Мы встречаем их во всех частях Библии, начиная со времени исхода израильского народа из Египта и вплоть до периода Церкви.

В критический момент в истории Израиля Бог дал Моисею определённые знамения, вызванные требованием фараона: «Сделайте чудо!» (Исх. 7:9). Христос определённо указывал на чудеса, совершённые Им, в подтверждение сказанного Им. Ученикам Он сказал: «Верьте Мне по самим делам» (Иоан. 14:11). Толпе, сомневающейся в Его мессианстве, Он сказал: «Дела, которые творю во имя Отца Моего, свидетельствуют обо Мне» (Иоан. 10:25). Для того чтобы доказать Своё мессианство двоюродному брату Иоанну, Он указал на тот факт, что «слепые прозревают, хромые ходят, прокажённые очищаются, глухие слышат, мёртвые воскресают» (Лук. 7:22). Самое сильное заявление находится в Евангелии от Иоанна 15:24, где Христос говорит: «Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха, а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего». Его чудеса были настолько явными, что неверующий очевидец ненавидел Его и Бога.

А. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧУДА

Перед тем, как начать исследование данного вопроса, надо правильно определить чудо. Те, кто определяет чудо как нарушение, вмешательство или противоречие естественному закону, заранее приходят к этим выводам, — даже перед тем, как исследование ими было начато. Гораздо честнее определить чудеса так, чтобы вероятность их действительности оставалась открытым вопросом, т. е. в определении не должно быть никакого метафизического предположения. Это интересный пример логического мошенничества — определить данное явление как что-то невозможное, а потом на основании этого определения прийти к выводу, что для него нет никаких

доказательств.

Самое безопасное общее определение чуда таково: чудо есть «событие, вызванное Богом». По самому основному определению чуда нельзя сказать, что оно — исключение из правила, потому что в Библии чудо часто принимается как целиком естественное, повседневное событие. Например, ветер веет в благоприятном направлении, или перед заходом солнца сражение кончается победой, или ливень приходит при особой нужде в нём. Такие случаи, — хотя и естественны по характеру, — считались замечательными проявлениями Божьей силы и любви.

Однако, библейское чудо вообще является исключением из правила и такое понятие чуда носит более апологетическое значение, потому что исключение вызывает удивление скорее, чем правило. Когда Езекия попросил знания у Исаии, пророк представил ему выбор: тени подвинуться десять ступеней вперёд или назад? Езекия ответил: «Легко тени подвинуться вперёд на десять ступеней; нет, пусть воротится тень назад на десять ступеней» (4 Цар. 20:10).

Поэтому для апологетических целей я бы определил чудо как «событие, происшедшее в истории и отличившееся от общеизвестного естественного закона в такой мере, что приковало внимание наблюдателей и заслуживает оценки, как особое вмешательство сверхъестественной силы». Заметьте, что я тут же не заключаю, что чудо обязательно есть знамение от Бога; я лишь утверждаю, что оно отличается от нормального хода событий в такой мере, что *можно было бы* принять его, как знамение от Бога.

В интересах уточнения можно расширить это определение и утверждать, что чудо есть «неповторяемое событие, отличающееся от действия закона природы». Если бы событие не противоречило естественному закону, то оно отнюдь не считалось бы чудом, так как чудо должно произойти на фоне обыкновенного действия, чтобы его считали уникальным. Когда мы говорим о «неповторяемом» чуде, то не утверждаем, что оно произошло всего лишь раз в истории, а то, что обыкновенные люди по личному желанию не могут повторить его, как они могли бы сделать в отношении закона природы. Если бы люди могли осуществлять события, противодействующие нормальному утверждаемому закону, то мы изменили бы закон, которому противодействовали бы чудеса. Чудо стало бы обыкновенным, а не уникальным явлением, и приходилось бы заменить определение старого закона новым.

Поэтому чудеса и законы отличаются друг от друга, но мы не можем определить чудо, пользуясь такими словами как: «нарушает», «противоречит» и т. д. Как мы увидим, такие слова создают неверное представление о разнице между законами природы и законами общества. Наше определение остаётся нейтральным: оно определяет событие, которое мы ищем, но также не отрицает его как что-то невозможное.

Может быть, Вам кажется, что нам нужно всего лишь привести исторические доказательства библейских чудес и всё. В самом деле, по этому вопросу нам придётся подождать до следующей главы. Ещё до начала судебного процесса адвокат, защищающий подсудимого, высказывает всякие интересные предложения, чтобы не позволить делу дойти до момента рассмотрения. Значит, нам нужно устранить целый ряд возражений перед тем, как рассмотреть библейские чудеса. Большинство возражений попадает в две главные категории: *философские* и *исторические*.

Б. ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

Суть большей части философских возражений против чудес заключается

в предположении, что Вселенная так составлена, что, по определению, чудеса невозможны. Возражения обыкновенно берутся из двух главных систем: материализма и философского теизма.

1) Материализм. В материализме возражение против чудес выражается в грубом и остром виде. Хотя довольно странно материалисту пользоваться *априорным* рассуждением, всё-таки грубый вид возражения для него оказывается, в сущности, дедуктивным. Согласно этому понятию, возможность чудес исключается как *априорное* метафизическое предположение, что и освобождает возражающего от тяжёлой ответственности исследования утверждаемых чудес, происшедших в истории. Короче говоря, согласно этому взгляду утверждается следующее: «Бога нет; есть только природа, материя, обусловленная механическими процессами и управляемая постоянными, неизменяемыми физическими законами. Ясно, что в таком космосе чудеса невозможны».

Я выразил такое понятие довольно грубо для того, чтобы выделить очевидное предвзятое мнение данной позиции. Прежде чем использовать такое догматическое заявление, как *априорную* дубинку, оно нуждается во многих доказательствах. Рассмотрел ли тщательно материалист теистические аргументы и пришёл ли он к выводу, что все они, без всякого сомнения, полностью несостоятельны? Какой высокомерный человек так скажет? Но именно так и приходится говорить, если пользоваться материализмом, как *априорной* дубинкой в отрицание чудес. По этому понятию утверждается следующее: «Я знаю всё, что вероятно во Вселенной, и я также знаю, что неповторяемые события, которые являются исключениями из естественных законов, невозможны».

Неужели? Разве Вы всё это знаете? На самом деле, среди тех, кто тщательно и систематически рассмотрел теистические доводы, многие, в результате этого, стали верующими, или, по крайней мере, агностиками, уважающими теистическое понятие. Нельзя сказать, что теистические доводы целиком бесполезны. Вместе взятые, они довольно убедительны. Можно сказать, что они вероятны, по крайней мере — возможны, а, быть может, и правдоподобны. Поскольку никто не может быть уверен в полной бесполезности теистических доказательств, это не позволяет и Вам каким-то грубым образом отрицать возможность чудес.

Этот вопрос напоминает мне о человеке, который утверждает, что «шмель теоретически не может летать». Почему? Потому, что его тело нарушает некоторые основные правила аэродинамики (у него короткие крылья, тело не подходящего размера и веса и т. д.). Ладно, Агнос, но видели ли Вы когда-нибудь летающего шмеля? Я такое видел, поэтому сильно сомневаюсь во всякой теории, по которой утверждается, что шмель не летает. Подобно этому, если я смотрю на историю и нахожу хорошие доказательства чудес, то я сильно сомневаюсь в мировоззрении, утверждающем их невозможность. Это особенно так, когда мне предлагают такое утверждение даже *перед тем*, как мне была предоставлена возможность рассмотреть исторические доказательства чудес.

Допустим, что есть довольно убедительные доказательства чудес. Какую реакцию на это проявил бы человек, отрицающий возможность чудес? По всей вероятности, он классифицировал бы чудо, как «случайную неисправность» в природе, т. е. странное явление, которое ему лучше всего забыть. А что случилось бы, если бы чудо было настолько очевидным, а факт нарушения данного закона был бы столь уверенно установленным, что

объяснение этого случая не удовлетворяло бы пытливого интеллекта человека, ищущего чуда? Разве это не заставило бы человека, отрицающего возможность чудес, прийти к выводу, что такие события, действительно, могут быть чудесами и что причинный посредник (Бог), на самом деле, существует? Да, так может случиться и в прошлых веках случалось много раз.

Наша проблема подобна трудности ребёнка, чьи преступные родители на протяжении нескольких лет «промывали его мозги», чтобы он думал, что «все милиционеры плохи». Первый симпатичный милиционер, которого он встречает, нарушает его убеждение. Он может или отказаться от своего предвзятого мнения, или объяснить доброту милиционера чем-то другим. При каждой новой встрече с симпатичным милиционером его предвзятое мнение всё более и более подвергается сомнению. В конечном счёте, его встречи со многими симпатичными милиционерами заставляют его изменить прежнее убеждение и прийти к выводу, что «не все милиционеры плохи».

То же самое можно сказать о чудесах. Можно убедиться в подлинности чудес разными путями: 1) Вы можете допустить самую убедительность доказательств изменить Ваше негибкое мировоззрение, чтобы Вам «увидеть» их; 2) Можете посмотреть на утверждаемые чудеса, приняв более гибкое материалистическое мировоззрение, и позволить, чтобы они заменили Ваши прежние «очки» новыми; 3) Вы, быть может, уже верите в Посредника, обладающего способностью совершать чудеса, и можете согласиться с тем, что они возможны, если Вам будет предоставлено достаточно доказательств. В истории еврейско-христианской религии люди принимали подлинность чудес этими тремя путями, хотя признаю, что первый из них довольно редок. Однако, во всех случаях данные одни и те же, — именно, речь здесь идёт об исторических доказательствах чудес. Вот это же остаётся неизменным; нужно или объяснить несостоятельность этих доказательств, или принять их.

Возражение материализма против чудес принимает более хитрый вид. Вместо догматического заявления, только что проанализированного, часто слышишь нечто наподобие следующего: «Наука — не друг чудесам. Вселенная, в которой происходили бы чудеса, была бы капризной, суеливой, непредсказуемой. Такая возможность уничтожила бы науку, требующую неизменных законов».¹ Гораздо труднее ответить на возражение, поставленное в таком виде.

Не утверждение, на самом деле, а жалоба составляет суть возражения. Материалист жалуется, что чудеса уничтожают замкнутый механический характер материальной Вселенной; они нарушают правила научного предсказания. Прежде всего, заметьте метафизические предположения, лежащие в основе материалистического понятия: возражающий как-то слепо предполагает, что Вселенная — замкнутая механическая система, в которой предполагаемое предсказание не подлежит нарушению. Возражающий этим утверждает, что Вселенная будто бы подобна девственнице, принявшей обет безбрачия ради учёного. Значит, космос будто бы дал обещание, что он ни в каком случае не совершит чуда ввиду того, что это равносильно метафизическому изнасилованию или, быть может, философскому блуду. Выходит, что бог научности настолько ренив, насколько и Бог Иегова!

Это возражение опирается на ошибочное понятие, которое мы называем «неправильным применением примера», и, согласно которому без всякого основания предполагается, что два сравниваемых предмета подобны друг

1. Смотрите, например, замечания некоторых учёных, которые дали интервью автору F. E. Trinklein, *The God of Science*, (Grand Rapids: Eerdmans, 1971), стр. 78—93.

другу во всех аспектах. Одно старое правило литературной интерпретации гласит: «Не заставляй метафору ходить на всех четырёх ногах». Вот пример этого принципа: если Вы называете своё дитя «моим маленьким ягнёнком», то было бы глупо спросить у Вас: «а где, тогда, его шерсть?». Ясно, что слово «ягнёнок» служит метафорой, показывающей сходство ребёнка с ягнёнком в некоторых, но не во всех, чертах.

В отношении вопроса о чудесах пример применяется ошибочно тогда, когда материалист предполагает, что «законы природы» похожи на законы человеческого общества. В истории лингвистики самым большим источником путаницы, быть может, является применение слова «закон», во-первых, к приказу верховной власти, и, во-вторых, к научным выводам Ньютона, Дарвина или Эйнштейна. Общественный закон является личным повелением с моральной ориентировкой и со способностью заставить человека слушаться данного приказа. Ничто из этого не применимо к так называемым законам природы.

Учёные законов «не принимают», они их открывают. Законы, открытые ими, оказываются выводами, оформленными на основании средних величин; это, скорее всего, не выводы, с которыми исследователь вынужден согласиться. Сверх того, научный закон обычно зависит от чего-то другого. Его можно изменить или даже опровергнуть новым объяснением. Итак, учёные более похожи на историков, чем на законодателей: *они описывают, как природа действует; им не дано предсказывать, как она должна действовать.* Наука, как таковая, не имеет права предположить подлинность великого вождя детерминизма, императора единообразия природы, держащего космос под стражей с небесным пулемётом в руках.

Материалист отрицает чудеса, полагаясь на принципе единообразия; это первая предпосылка любого естественного закона. Согласно этому принципу, можно сказать, что событие, которое Вы увидели в контексте определённой сферы времени и пространства (т. е. на Земле), можно предсказать в контексте различных сфер времени и пространства. Но вся трудность в том, что никак нельзя доказать принципа единообразия. Идея, что будущность будет подобна минувшим временам, — это всего лишь наша надежда, ожидание, наша «слепая животная вера». Учёный принимает подлинность этой идеи на прагматических основаниях. Но если этот принцип принимается на прагматических основаниях и невозможно доказать, что он соответствует теперешнему порядку вещей, то ясно, что его нельзя использовать с той целью, чтобы исключить возможность чудес. Подтверждения, которые всего лишь прагматичны, не отменяют той возможности, что возникнут случаи, когда принцип будет нарушен.

Например, если это Ваше желание, то можете сказать: 1) «Что касается меня лично, то я никогда не видел, чтобы вода стала вином только по той причине, что она стояла в каменных сосудах». Ладно, я также подобного не видел. Вы даже можете добавить: «Сверх того, в отношении современной науки это также не наблюдалось». Опять-таки, Вы вероятно говорите правду. Но вот в чём дело: Вы не имеете права пойти за пределы самого утверждения и сказать: 2) «Поэтому, ни в коем случае вода таким образом не может превратиться в вино».

Ваши первые два заявления историчны, эмпиричны, описательны, индуктивны и скромны. Третье утверждение нормативно, метафизично, дедуктивно и высокомерно. В самом деле, неприлично нам перейти от эмпирического к нормативному, не признав в этом процессе того, что мы перестали быть учёными и стали метафизиками. Вы можете сделать эти прыжки от пер-

вой ко второй и третьей позиции, но не называйте это научной деятельностью, ибо это есть чистая метафизическая деятельность и, к тому же, такой переход с первой ко второй и к третьей позиции наведённо является плохим примером метафизического процесса.

Но кто-то спрашивает: «Неужели Вы утверждаете, что во Вселенной отсутствует основной порядок?». Нет, сто раз нет! Мы, христиане, признаём и принимаем наличие космоса, не хаоса. Наша цель не в том, чтобы отрицать порядок и единообразие, но в том, чтобы показать, что есть разные типы упорядоченной системы, отличающиеся от механически-физического упорядочения. В связи с вопросом о чудесах нам представлены три картины Вселенной: две — крайнего порядка, одна — среднего.

Во-первых, материалист настаивает на необходимости целиком упорядоченной Вселенной, описанной до последней детали наукой, замкнутой, вполне определённой, в которой отсутствуют всякие чудеса или случаи, нарушающие известные законы. Во-вторых, материалист обвиняет христианина в том, что он принимает Вселенную как самопроизвольную и непоследовательную систему, в которой всё может случиться и всё является чудом. Эти две позиции представляют ошибочную дилемму. Есть и третья позиция, сохраняющая и научные и чудесные явления.

Согласно третьей позиции, постулируется Вселенная, которая в большинстве случаев следует определённому порядку — не потому, что она мертва, материальна или механически определяема, но потому, что её Создатель желает, чтобы она в большинстве случаев действовала по установленному порядку. Порядок, который идёт от личного Творца, проявлял бы определённую или телеологическую целесообразность. Христиане смотрят на природу как на результат действующего Разума, поэтому у нас нет причины не считать, что даже нормальные события происходят по воле Творца.

Этот Разум придаёт действиям природы столько упорядоченности и последовательности, сколько пожелал бы любой учёный, потому что целесообразность противится принципу случайности в такой мере, в какой ему противится и принцип механистического действия. Поэтому даже тогда, когда чудеса происходят, то это случается по воле великого Разума. Итак, нам нет причины считать, что нормальные повторные события не происходят по воле Создателя. Генри Стоб прекрасно выражает эту мысль:

«Законы природы, формулируемые нами, — ничто иное, как наше определение «обыкновенного действия Бога». Они стали действовать не до Бога, а после Него; они отмечают Его обычаи. Они «держатся» по той причине, что Бог желает действовать таким образом, но они Его не связывают. Бог свободен оставить Свои следы там, где хочет, и иногда Он оставляет их на непривычных для нас путях. Мы можем быть уверены в том, что Он это делает для того, чтобы послужить определённой святой цели».²

Поэтому христианин также может, в некотором смысле, похвалиться о существовании особой «замкнутой» Вселенной. Бог замкнул её. Независимо от того, что происходит, — чудо или нормальное событие, — всё происходит по Его воле. Чудеса в сущности не нарушают никакого настоящего порядка, если всё происходит по Его воле. Однако, не желая пропустить следующее, стоит сказать, что чудеса всё-таки для нас исключительные явления, но это лишь потому, что с точки зрения вечности мы всего не видим,

2. Henry Stob, "Miracles," *Basic Christian Doctrines*, ed. Carl F. H. Henry (New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1962), стр. 83.

как Бог всё видит.³ Если бы мы знали всё о системе природы в её целостности, как её знает Бог, то чудо не показалось бы нам нарушением обыкновенного закона. Чудесное событие представляется нам нарушением закона, но это потому, что мы ограничены. Как раз в этом-то и цель чуда: чтобы приковать наше внимание, внимание ограниченных существ. Для Бога нет чудес, потому что в силу Его всезнания ничто не удивляет Его. Для Бога нет разделения между естественным и сверхъестественным, потому что Его интеллект неограничен. Итак, слабость возражения материалиста против чудес заключается в том, что он, — маленький, ограниченный человек, пребывающий в шорах позитивизма, — утверждает, что он может «замкнуть» Вселенную и ограничить все возможные события, относит их к механически-физической сфере действительности.

Агнос, имеется ли какая-то разница в воздействии самих чудес или нашей личной свободы на законы природы? Вы говорите, что каждое событие имеет свою причину, но то же самое говорит христианин. Чудо имеет свою причину, как и всякое действие по нашей свободной воле. Но по сравнению с нормальным физическим событием причина чуда — иного типа. Человек может изменить нормальный ход действий в природе своей волей. Например, он может заставить воду течь вверх или бросить камень вверх против закона тяготения. Для меня действие нашей воли, изменяющее закон природы, выходит настолько же загадочным, насколько загадочна воля Божья, изменяющая природу, когда сбывается чудо. Почти все те загадочные трудности, которые мы встречаем, когда ставим вопросы о воле, мы снова встречаем, когда ставим вопросы о чуде. Именно по этой причине самые последовательные в утверждениях философы, как Б. Ф. Скиннер, не верят ни в реальность свободной воли, ни в реальность чудес.⁴

Если выразить саму суть чудес, то они не нарушают причинность. Они нарушают материалистический детерминизм; так и должно быть, ибо это дефективное метафизическое понятие. Если Вы верите в действительность свободной воли, морали, эстетики или любого другого явления, превосходящего материализм, то этим Вы уже, в частности, открыли дверь к возможности чудес.

2) **Философский теизм.** Как бы странно это ни было, но некоторые теисты стараются закрыть дверь к возможности чудес. Хотя они верят в Личность, обладающую силой совершать чудеса, они их отрицают. «Бог не действует таким образом, — настаивают они, — чудеса смущают нас; легче верить в Бога без чудес. Это дешёвые фокусы, которые совершают старые боги, или, вернее, неразумные люди приписывают чудеса истинному Богу». Макс Борн, знаменитый немецкий физик, утверждает:

«Не стоит обсуждать любое явление, нарушающее естественные законы, потому что такая идея о Боге нас удручает. Это сделало бы Бога меньшим, чем мы представляем Его. Когда Он заявил, что эти законы имеют силу, то никаких исключений Он не допускал бы. Такая идея крайне человеческая. Люди это

3. Бетт прекрасно обсуждает этот вопрос в книге: *Bett, Reality of the Religious Life*, стр. 111 и дальше.

4. «С ревностным старым презрением господин Бернард Шоу говорит об идее чудес, — будто бы они являются нарушением веры со стороны природы; каким-то странным образом он, видимо, не сознаёт, что чудеса оказываются последними цветами на его любимом дереве, — именно, это его доктрина о всемогуществе воли» (*Chesterton, Orthodoxy*, стр. 128).

делают, но не Бог».⁵

Доктор Борн подобен деистам эпохи Просвещения, которые утверждали, что Бог полностью открывается нам в порядке и гармонии сотворения и не нуждается в каких-либо чудесах, чтобы показаться нам. Деист мало отличается от материалиста, так как он оценивает порядок в космосе так, что сам удивляется всякий раз, когда где-то нарушается данный порядок.

Мой главный вопрос деисту таков: на каком основании ему стало известным, что Бог никогда не нарушает ни одного из Своих законов? Когда именно Бог сказал доктору Борну, что законы природы будут иметь силу на всю вечность? Библия нигде этого не говорит; как раз наоборот: в ней записаны сотни чудес, когда Бог нарушил законы природы. Разве доктору Борну было дано особое частное откровение? Или он предпочитает единообразию и порядку? Что свидетельствует от том, что эта предпочитаемая склонность описывает то, что действительно произошло в истории, или то, что Бог действительно сделал?

Поставьте себе вопрос: каким образом Богу лучше было бы доказать Своё присутствие? Не тем ли, чтобы на короткое время нарушить или изменить нормальные процессы природы? Разве это не удивило бы разум человека и не обратило бы внимание других на Чудотворца и на Его весть? Как мог бы Бог открыться в таком обыкновенном и повторяемом процессе, как восход солнца? Когда замечаешь, как природа действует своими нормальными средствами, то думаешь, что так и должно быть. Действие естественного закона не убедит тебя в присутствии Бога, как это сделает действие, нарушившее известный закон. Как и в случае материалиста, деист выражает особую жалобу и личное предпочтение, но настоящего возражения против чудес он не имеет, если исторических доказательств для них достаточно.

3) Третье философское возражение обвиняет христианскую позицию в доводах, которые сами нуждаются в доказательстве. Уолтер Кауфманн выражает его так: «Для принятия чуда нужна вера. Для человека, которому веры нет, никакого чуда нет. Поэтому апелляция к чудесам в доказательство убеждений — это довод, который сам нуждается в доказательстве».⁶ Некоторые говорят, что рассказы о чудесах бытовали только среди людей, духовно подготовленных или готовых к принятию чудесных явлений.³

Прежде всего, никто среди христиан не станет просто утверждать, что «чудеса доказывают христианскую веру». Доказательства исходят из многих источников и чудеса лишь один из них. Мы не считаем, что изолированные, голые чудеса доказывают любое мировоззрение.

Сверх того, такая кругообразность в доводе подобна кругообразности, которую в четвёртой главе мы отметили в отношении подтверждения любого мировоззрения. Для того чтобы увидеть, подтверждают ли данные определённое мировоззрение или нет, надо надеть «соответствующие (метафизические) очки», т. е. приходится предварительно предположить, что данное метафизическое утверждение достоверно, затем нужно ответить на вопрос, дают ли очки последовательную картину в отношении рассматриваемых данных? Без особого труда я мог бы сказать, что материалист не в силах доказать детерминизм, ссылаясь на обыкновенные законы, по той причине, что ещё до этого он всё-таки хочет верить в детерминизм. Было бы странно, если бы на судебном процессе прокурор обратился к защитникам со слова-

5. Эти слова цитируются в книге Trinklein, *God of Science*, стр. 80.

6. Walter Kaufmann, *Critique of Religion and Philosophy* (New York: Harper, 1958), стр. 92.

ми: «Дело в том, что вы *хотите*, чтобы ваш клиент был невиновен, и по этой причине вы не видите показаний, обвиняющих его!».

Требовать «научных условий» (кстати, не совсем ясно, что это такое) для того, чтобы проверить состоятельность чудес — несправедливо. Проверить некоторые вещи невозможно, пока ты сам не поставишь себя в такое положение, какое позволит тебе пережить утверждаемое, *если оно действительно произойдёт*. Если бы я предсказал, что завтра солнце взойдёт точно в шесть часов утра, то Вы действительно не могли бы подтвердить или опровергнуть предсказание, спустившись на три тысячи метров в шахту как раз в назначенное время. Психологу, собирающему данные у пьяниц, было бы нелепо бранить их за то, что они постоянно в пьяном состоянии. Тот факт, что теисты, которые верят в откровение Бога, вероятно хотят, чтобы чудеса действительно происходили, или считают, что чудеса действительно происходят, не опровергает того, что чудеса действительно происходят.

Кроме того, по крайней мере имеется один случай, когда определённая личность пережила чудо, но не была в подготовленном к этому настроении, — именно, апостол Павел. Перед тем, как он встретился с воскресшим Христом на пути в Дамаск и потерял зрение, Савл из Тарса дышал «угрозами и убийством на учеников Господа», как пишет Лука. Он «пришёл к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдёт последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав приводить в Иерусалим» (Деян. 9:1—2).

В. ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

Кто перестаёт выдвигать философские возражения против чудес, подобные вышеприведённым, тот признаёт, что чудеса возможны. Суть исторического возражения вообще в утверждении, что история не служит подходящим посредником для Божьего откровения, или, что в наблюдении и сообщении о происшедших чудесах встречаются непреодолимые трудности.

1) Люди выражают жалобу, что чудеса произошли столь давно, что в современном мировоззрении они ни в коем случае не могут служить надёжными данными. Это обыкновенно связано с утверждением, что чудеса всегда происходили в века, когда люди были невежественны и научных законов не знали. Например, доктор Артур Б. Комар, декан Научной Аспирантуры имени Бельфера Ешивейского университета в Нью-Йорке, ставит вопрос: «Почему сегодня отсутствует множество чудес, которые, как сообщается, произошли тысячи лет назад? Ясно, что дело так обстоит по той причине, что люди сегодня относятся более критически ко всему».⁷

Доктор Комар страдает «хронологическим снобизмом», если он думает, что люди всех прежних веков были настолько доверчивы, что постоянно верили в ежедневные чудеса. «Век науки» и «век невежества» не всегда противоположны. Те, кто живёт в настоящее время, не обладают знанием того, как природа действует в макроскопическом масштабе. Многие из Христовых чудес являются исключениями из хорошо известных законов природы, поэтому люди признали бы их таковыми в любой период истории и в любой точке мира.

Например, Иосиф знал, как ребёнок зарождается в утробе матери. По этой причине он тайно хотел оставить Марию, когда при обручении с ней он узнал о её беременном состоянии. Он думал, что она до этого вступила во

7. Слова Комара цитируются в книге: Trinklein, *God of Science*, стр. 79.

внебрачную связь (Матф. 1:19). Если утверждение доктора Комара достоверно, то, узнав о беременности Марии, Иосиф сказал бы: «Вот, это первый в истории случай партеногенеза! Какой я счастливый человек!». Почему Иосиф сразу же не приписал беременность Марии тому, что Бог посетил её? Ведь люди были столь доверчивы в те дни, не так ли? Нет, палестинские евреи первого столетия н. э. не были такими невеждами. Пришлось ангелу объяснить Иосифу чудесное зачатие Младенца в утробе Марии (Матф. 1:20—21).

То же самое можно сказать почти о всех библейских чудесах. Не дано только человеку, окончившему Гарвардский или Оксфордский университет, прийти к сознанию, что вода не превращается в вино, стоя в каменных сосудах, что люди не возвращаются из гробов, что не накормишь пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, что брение, сделанное из грязи, исцеляет врождённую слепоту. Предлагающему такое возражение надо помнить, что самым главным временем в Римской империи было первое столетие н. э. и что Палестина была близка к центру империи, а не на её окраинах. Этот период человеческой истории, предшествовавший современной эре, был одним из самых культурных, светских, благоденственных, эрудированных и скептических. Вряд ли можно назвать его «веком невежества». Если бы Христос совершал чудеса в девятом или десятом столетии, то возражение, быть может, имело бы какую-то важность.

Возражающему также надо помнить, что в истории евреев народ следовал за чужими богами и за неверность Богу Иегове он был наказан. Потому он с особой осторожностью относился к неверному водительству ложных пророков и чудотворцев (смотрите Втор. 13:1—5). Вряд ли можно было бы считать рыбаков, земледельцев и мытарей, последовавших за Христом, «доверчивыми». Не ловит рыбу, не выращивает хлебные злаки и не собирает подати тот, кто постоянно верит в чудеса. В большинстве случаев люди проявляют веру в упорядочение вещей, т. е. они знают, что в макроскопическом масштабе природа действует своими нормальными путями.

На вторую жалобу Комара, — именно, что произошло много чудес во времена библейской истории и что их мало с той поры, — без особой трудности можно ответить объяснением цели чудес. Библейские чудеса произошли в определённые времена откровения, т. е. они не расположены в одинаковой пропорции и количестве через всю Библию. Две главные группы чудес произошли 1) при исходе израильского народа из Египта, и 2) при Христе и основании Церкви. Это были самые важные моменты Божьего откровения, когда Бог дал закон и Евангелие. Если чудеса сопровождают и подтверждают откровение, то эти группы чудес появились как раз в те времена, когда мы и ожидали бы найти их в библейской истории. Есть небольшая группа чудес, относящаяся к периоду Или и Елисея, и она не соответствует определённому времени Божьего откровения, хотя Бог Иегова в это же время всё-таки выступал против ханаанских идолов. Мы можем назвать этот период «усилительной группой чудес» на том основании, что Иегова делал попытки обратить внимание Своего народа на закон, впервые данный ему на горе Синай.

Тот факт, что после библейских времён произошло мало чудес, ничего особого не доказывает. Вместо того, чтобы жаловаться на явления чудес, происшедших в особенные минувшие периоды, надо ответить на настоящий вопрос: существуют ли исторические доказательства чудес независимо от того, где и когда именно они сбылись?

2) Затем, возражающий возможно станет подвергать сомнению способ-

ность любого человека наблюдать и точно описывать любое событие. Можно утверждать, что люди вообще плохие репортёры. Были осуществлены такие экспериментальные случаи, после которых очевидцы противоречили друг другу в описании происшедшего. Поэтому возражающий против чудес укрывается в историческом агностицизме: он подвергает всё прошлое сомнению.

За весьма короткое время можно увидеть, что такое сомнение в чудесах также уничтожает всякое человеческое описание происшедших событий. Такое возражение уничтожит всю историю, закроет все суды, прекратит издание всех газет. Выходит, что возражающий не может доверять даже своей памяти, потому что она недостаточно свежа. Показать, что человеческое свидетельство достоверно, — это одно, а показать, что оно целиком бесполезно — это другое дело. Есть средняя позиция: человеческое свидетельство в основном надёжно при соблюдении некоторых процедурных канон. Эта средняя позиция уже долгое время удовлетворяет людей.

К тому же, возражающий против чудес, по всей вероятности, противоречит самому себе. Если он способствует экспериментальному событию и затем показывает, что все свидетели по-разному воспринимают происшедшее, то надо спросить: а каким образом ему удалось увидеть всё правильно? Если наблюдательная способность у человека не вполне надёжна, то почему нам не относиться скептически к предложению, что «наблюдательная способность у человека не полностью надёжна», если наблюдениями было установлено, что это так?

Хороший адвокат скажет, что не только свидетельство, данное людьми, может быть надёжным, но и то, что неполное согласие между очевидцами часто свидетельствует о достоверности описываемого события, так как различия в описаниях, не ведущих к большим противоречиям, можно согласовать друг с другом, а это возможно и покажет, что каждый очевидец запомнил особый момент данного случая и точно его описал. Исследовательская работа над вопросом запоминания показала, что свидетель запоминает только те чувственные элементы данного случая, на которые он обратил особое внимание. Человек не запоминает всего, что он встречает в окружающей среде. Всякий раз, когда мы восстанавливаем происшедшее событие, нам только надо сочетать свидетельства нескольких очевидцев для того, чтобы снова «увидеть» сбывшееся событие в его полноте. В судах такое случается почти каждый день.⁸

3) Если наш гипотетический человек, возражающий против чудес, признаёт, что история открывает нам истину, то он может сомневаться только в книгах Библии. Он может утверждать, что книги Библии содержат ошибки по естественным фактам, поэтому, когда в них пишется о чудесах, нам не стоит полагаться на эти книги.

Я не могу ответить подробно на такое возражение. Надо ответить на каждый отдельный пункт. Например, где в Библии находится ошибка? Как только кто-то определит её, так можно её обсудить. Не хватит места для развития подробного аргумента в пользу исторической достоверности Библии в её целостности; в этом и была цель предыдущей главы. Всё, что я здесь могу в общем сказать, — это то, что учёные сегодня не сомневаются в Библии; они не считают её сборником старых, бесполезных народных сказок. Так могло бы случиться в прошлом веке, но не в настоящем. Имеется слиш-

8. Для хорошего обсуждения вопроса о том, как историки относятся к утверждаемым противоречиям исторических очевидцев, смотрите Barzun and Graff, *Modern Researcher*, стр. 146—173.

ком много доказательств в подтверждение того, что Библия в основном достоверна. Правда, трудности пока ещё есть, но это не делает документ ничего не стоящим. Если бы было так, то не было бы надёжной истории. Я всего лишь могу попросить Вас, Агнос, прочитать хорошие общие произведения о библейской истории и археологии перед тем, как излишне обобщать вопрос исторической ценности Библии.

4) Дэвид Юм безусловно выразил самую серьёзную критику против чудес в известном «Трактате о чудесах», опубликованном в 1776 году.⁹ Юм определил чудо, как нарушение естественного закона и утверждал, что ввиду того, что законы природы формулированы общим человеческим опытом, то по определению чудо может быть только невозможным явлением, так как оно противоречит известному общему опыту. Перед тем, как любому разумному человеку принять чудо, ему вероятно придётся сказать, что его чувства обманули его или что те, кто сообщил о происшествии чуда, обманули самих себя или обманули его.

Это сильное возражение, потому что оно основано на ясном факте: мы все склонны по-своему интерпретировать странные события и ищем естественного объяснения их перед тем, как классифицировать их как чудеса.

Прежде всего, в ответ на это я не могу не поддаться тому искушению, чтобы указать на то, что Юм самому себе (снова!) противоречит. Юм говорит, что чудеса невозможны потому, что они нарушают «законы природы», но, согласно его скептическому эмпиризму и номинализму, мы никакого впечатления от природы в её целостности не имеем. Природа в своей целостности никогда просто не представляется нам, как что-то «красное» или «скользящее». То же самое касается «порядка природы», который чудеса нарушают. Как же иметь понятие «нарушения» без понятия порядка? Сверх того, под понятием порядка подразумевается время, под которым подразумевается последовательность, под которой подразумевается то, что наше «я» продолжает существовать; эту последнюю идею Юм отрицал. Далее, нельзя говорить о всеобщем, универсальном опыте, не уступив предположению о существовании альтернативного разума — мысль, которую Юм отрицал. Когда Юм критиковал аргумент Замысла, то он жаловался, что мы знаем очень мало о Вселенной в её целостности, но как только он стал критиковать чудеса, то смело говорил о всеобъемлющем порядке естественного закона во всей Вселенной! На самом деле, критика Юма падает под ударами первых принципов его собственной философской системы.

Но, разумеется, всё это пока ещё не отвечает на поставленное возражение. Это только доказывает, что Юм непоследователен или нечестен. Главное возражение всё ещё нуждается в ответе. Основной недостаток возражения в том, что оно приводит в качестве аргумента спорное положение, когда им утверждается, что чудеса «противоречат опыту». Противоречат чьему опыту? Если Юм отвечает: «моему», то это вряд ли имеет какое-то значение для исторических целей. В небе, мире и в истории возможны многие вещи, которых Юм не придумывал в контексте своего опыта.

Если Юм утверждает, что чудеса противоречат опыту *всех* людей, то он предполагает именно то, что сам доказал. Если чудо произошло, то оно, разумеется, не противоречило опыту того, кто его увидел. Если можно использовать опыт для установления естественного закона, то почему не для установления случая, когда был нарушен естественный закон? Если Юм

9. Этот трактат является главой десятой в более обширном произведении Юма «Трактат о понимании».

отвечает, что свидетельство *большинства* должно определить то, что случилось в истории, то его ответ не соответствует правильному применению демократического метода. Таким образом историю не определяют.

На самом деле, Юм оставил историю и перескочил в метафизику. Он утверждает, что все случаи должны повторяться, что какой-то случай *не может произойти всего лишь раз!* Но это является философским критерием, не историческим каноном, а, ведь, аргумент Юма, как утверждается, историчен.¹⁰

Если строго применить критерии Юма ко всему, то это значило бы лишить науку зрения. Восхвалять обыкновенное и позорить необыкновенное — это, действительно, не путь к научному прогрессу. Рассказывается об одном миссионере, который сказал друзьям, африканцам, что в его родной стране вода зимой настолько твердеет, что можно пройти по ней и даже проехать на повозке. Так как африканские уроженцы льда никогда не видали, то они покатывались со смеху от такой невероятной неправды. Конечно, они ошиблись потому, что лёд на самом деле существует, но они пользовались критерием Юма.

Возражение Юма значительно слабеет, когда мы сознаём, что, как уже было сказано, законы природы не являются строгими рецептами того, как природа *должна* действовать, а описаниями того, как она *на самом деле* действует. Если какой-то новый факт противоречит нашему до этого последовательному опыту, то вместо того, чтобы отрицать этот факт, мы расширим наше научное понимание и станем искать какой-то новый закон или новую силу, которая могла бы объяснить его. Когда Мария Склодовская-Кюри получила показание необыкновенно большой радиоактивности, исходящей из смоляной обманки, то она сделала то, что сделали бы большинство учёных. Она предположила, что какой-то новый радиоактивный элемент находится в смоляной обманке. Если бы она упорно придерживалась понятия, что имеется только два радиоактивных элемента, уран и торий, то радия у нас сегодня не было бы.

Бог хочет, чтобы мы, исследуя чудо, расширяли наше научное понимание. Он хочет, чтобы мы остановились и заметили необыкновенную сущность данного события и спросили, какую силу приходится предположить для того, чтобы объяснить происшедшее? Он хочет, чтобы в объяснении его мы обратились к сверхъестественному и превосходящему. Он хочет, чтобы мы воскликнули, как воскликнули волхвы фараона: «Это перст Божий!» (Ис. 8:19), или как воскликнули пять тысяч человек, которых Иисус накормил: «Это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир» (Иоан. 6:14).

Я считаю, что если материалист не принимает чуда, даже тогда, когда исторические доказательства его убедительны, то это потому, что он смотрит на него посредством своего собственного метафизического понятия. Если смотреть на чудо таким образом, то оно представляется голым чудом, изолированным необыкновенным случаем. Такой процесс восприятия несправедлив. Не поймёшь чуда, взятого из своего контекста, в той самой мере, как и не поймёшь кометы, оторванной от солнечной системы, в которой она движется.

Например, если посмотреть на какие-то изолированные обыкновенные исторические события, то Вы могли бы приписать им меру невозможности,

10. Ричард Уэйтли, архиепископ Дублинский, показал, что если строго применять различные критерии Юма, то они заставят нас усомниться в историчности Наполеона. Смотрите его книгу: Richard Whatley, *Historical Doubts Relative to Napoleon Bonaparte*; книга вышла в 1819 году.

которая исчезла бы, если бы Вы посмотрели на них в их контексте.¹¹ Если бы я сказал Вам, что правитель данного народа в определённый день преднамеренно поджёт свою столицу и спалил все её дворцы и произведения искусства, потом эвакуировал город, то Вам возможно было бы трудно этому поверить. Но именно это же сделал русский царь Александр I в 1812 году, когда Наполеон приступал к Москве. Как только вы узнаете обстоятельства, связанные с событием, и намерения участников, то невероятность события уменьшается. Таких невероятных событий в истории немало.¹²

Как я уже много раз подчёркивал, Агнос, вы будете несправедливы к мировоззрению, пока предварительно не предположите его правдоподобность для того, чтобы увидеть, представляет ли оно ясную картину на основании всех известных данных. Вы никогда правильно не оцените чудеса, пока не станете смотреть на них в контексте их полной системы. Чудеса Христа не имеют никакого значения, если Вы будете изучать их отдельно, то есть вне контекста библейских пророчеств о Христе, заявлений, сделанных Христом, характера и личности Христа. Несправедливо предвзято смотреть на данные, опасаясь, что они разобьют те очки, которые всё равно будут разбиты этими данными.

Поэтому, Юм лишь доказал, что для теиста и деиста никакие показания не могут доказать чудо. Джон Стюарт Миль, который ни в коем случае не был другом христианства, ясно понял это в «Системе логики» (II, II0). Но разве это достойно освещения в печати? Вряд ли! Материалист толкует все данные в терминах материализма и интерпретирует всякие данные, которые, казалось бы, опровергают его материализм. Может ли материалист бросить материализм, посмотрев чудесам еврейско-христианской религии в лицо? Предполагаю, что может, но вероятно он этого не сделает, если его мировоззрение окажется не слишком гибким. По этой причине мне и нравятся уважительные агностики, такие как Вы, Агнос. Если Вы будете иметь гибкое мировоззрение, то я считаю, что смогу переубедить Вас.

С Юмом мы ещё не кончили. Вернёмся к нему в главе, где пишется о воскресении.

Г. РАЗНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

1) Одна излюбленная нынче позиция заключается в том, что Христос был необыкновенным исцелителем, действующим по принципу веры, способным врачом-психотерапевтом.¹³ Многие из Его средств исцеления проявляют кажущееся сходство с современной психотерапией. Это понятие имеет то достоинство, что принимает многие из чудес Христа и объясняет их естественными путями, которые можно повторить и проверить с помощью современной психологии. Любой способный психотерапевт мог бы, в принципе, подражать Христовым методам исцеления. Дело в том, что почти все соглашались с тем, что Христос, по всей вероятности, был самым притягательным, обаятельным психотерапевтом в истории.

11. Последовательный эмпирик, в сущности, не может иметь никакого «контекста» в отношении любой вещи, не так ли? Если процессы, происходящие в разуме, являются серией проходящих представлений чего-либо, то не может быть ни структуры, ни контекста для обыкновенного опыта.

12. Смотрите отрывок, где обсуждается вопрос вероятности в Barzin and Graff, *Modern Researcher*, стр. 151—160.

13. John B. Noss, *Man's Religions* (New York: Macmillan, 1963), стр. 599. Носс называет такое представление Иисуса «минимальным представлением», к которому можно было бы ещё добавить немало.

Самая главная трудность этой теории в том, что она не может объяснить все чудеса Христа. Она объясняет только те чудеса, которые, как один фактор события, содержат в себе человеческие психологические элементы. Она даже не может объяснить все чудеса исцеления; она имеет трудность с излечением врождённой слепоты и проказы, с возвращением срезанных ушей и с исцелением высохших рук. Она особенно слаба в объяснении того, как Христос мог воскрешать людей.

Это понятие также не объясняет чудес Христа, связанных с природой, как то: успокоение бури, умножение хлебов, хождение по воде. Нужна вторая теория для объяснения всех чудес, оставленных без объяснения главной теорией, а ведь необходимость второй теории всегда ослабляет главную теорию. Эта вторая теория должна объяснить тот факт, что Евангелия приписывают Христу осуществление чудес природы, когда Он, по главной теории, исполнял только исцеления по принципу веры со стороны исцеляемого. Всё это оставляет Христа в каком-то невыгодном свете, ибо Он интерпретировал Свои чудеса совершенно по-иному (смотрите, например, Марк. 2:9—10; Иоан. 14:11).

2) Другое излюбленное нынче уклонение заключается в том, что само существование нескольких религий мира с их утверждениями о чудесах опровергает состоятельность чудес христианства. Если бы они произошли, то подтвердили бы несколько противоречивых религиозных систем.

На самом деле, в других религиях, как кажется, столько чудес нет. В исламе их очень мало, как жаловался Святой Фома. В индуизме есть несколько, но они вряд ли составляют философскую основу для этой религии. В своём первоначальном виде буддизм и конфуцианство были столь гуманистичны, что чудо вызвало бы скандал. Буддизм, конфуцианство и даосизм — все три более подобны общественной и психологически-моральной системам, чем религиям. Во всех их чудесное явление выходит очень слабым.

Дело в том, что только в еврейско-христианской религии чудеса занимают очень важное место и предлагаются как убедительные доказательства всей системы. Это в особенности относится к делу воскресения. Если Христос не воскрес из мёртвых, как утверждает Павел, то наша вера тщетна, мы ещё в наших грехах; те, которые умерли во Христе, умерли без надежды, и мы — самые жалкие из всех людей в мире (1 Кор. гл. 15—19). Если отнять самое главное учение о воскресении Христа, то вся структура разрушится. Христианство — это метафизическое понятие в историческом виде; если опровергнешь это историческое событие, то уничтожишь саму религию.

Агнос, смысл возражения не дошёл до сути дела, не так ли? Просто не опровергаешь библейские чудеса показанием, что религии мира переполнены чудесами (что, фактически, неправда) подобно тому, как и не доказываешь, что все бриллианты — подделки, показав, что есть и некоторые имитации. Логично спросить: которая группа чудес имеет самые лучшие доказательства, — как доказательства очевидцев, так и косвенные доказательства?

Д. ПРИТЧА О СВЕТОФОРАХ

Вопрос о чудесах столь важен, Агнос, что я окончу главу притчей для того, чтобы разъяснить значение моего утверждения.

Давным-давно был король, который властвовал в своём маленьком царстве. Он управлял всеми светофорами столицы из комнаты в дворце,

расположенной высоко на холме. Однажды, восхищаясь городом, он заметил, что на главной улице создаётся очень опасная ситуация: грузовик, нагруженный динамитом, потерял управление по причине неработающих тормозов. Король знал, что спускающийся с горы грузовик столкнётся с машинами, пересекающими его путь, в результате чего будет убито много людей. Он сразу же бросился к распределительному щиту и дёрнул специальный рычаг, который зажгёт зелёный свет на всех светофорах главной улицы. Грузовик прокатился до подножия холма, не ударив ни одной машины. Никакого взрыва не было, никто не был ранен и было спасено множество людей. Но для этого порядок был нарушен на короткое время.

Как раз в тот момент, когда король включил все зелёные фонари на главной улице, молодой человек, ведущий машину для доставки, был остановлен красным сигналом светофора. Этот случай задержал его настолько, что он не успел вовремя привезти нужные товары заказчикам. Когда он вернулся в магазин своей фирмы, то клиент уже позвонил заведующему магазином с жалобой. Заведующий был сердит:

— Что случилось? Почему ты вовремя не привёз товары? У тебя было много времени.

— Я никак не мог попасть туда вовремя. Меня задержало какое-то странное явление. Красный свет на дороге не менялся на протяжении пяти минут.

— Нелепость! Продолжительность сигнала никогда не меняется. Каждый сигнал длится ровно минуту.

— Дело в том, что после первой минуты я стал отмечать, как долго горит красный свет; он горел более пяти минут.

— Слушай, парень, ты наверное выпил, что ли? Все знают, что в нашем городе светофоры не показывают одного света более минуты. Это правило города, вечная черта наших светофоров. Уже тысячи раз это было доказано тысячами людей.

— Но я засек длительность красного света. Если желаешь, то можешь проверить мои часы или проверить, в пьяном ли я состоянии или нет, но то, что я увидел, — это же, действительно, увидел.

— А как же это может быть, чтобы красный свет горел более минуты? Что или кто мог бы вызвать такую нерегулярность?

— К тому же, — добавил заведующий, — если бы даже был человек, вызвавший такую нерегулярность, то для чего именно он это сделал бы? Никакой разумный человек не стал бы менять регулярность сигнализации. Такой поступок равносителен уголовному преступлению; он запутал бы людей и вызвал бы всякие проблемы.

— Я не знаю, но можно было бы спросить других и узнать, были ли они задержаны красным светом на протяжении пяти с лишним минут или нет. Может быть, это было какое-то общее явление. Можно было бы исследовать дело и увидеть, управляет ли где-то какой-то человек всеми светофорами и имел ли он какую-то определённую цель, когда заставил их так действовать?

— Глупости! Всякий, кто так скажет, — сумасшедший, каким и ты сейчас являешься. И тот, кто подобное говорит, просто старается обмануть тебя.

— Значит, ты даже не готов проверить случай и увидеть, можно ли подтвердить его или нет?

— Точно! Такой рассказ, по определению, невозможен. Я знаю, что ничего подобного этому не случилось!

Вот в этом нерадостном рассмотрении, дорогой Агнос, мы видим пред-

взятость материалиста и деиста. Первый отрицает Бога, совершающего чудеса; второй признаёт существование Бога, но отрицает цель чудес. Оба предполагают определённое метафизическое положение; оба предполагают, что они знают всё, что можно знать о городе. Первый не идёт за пределами этого знания (материализм); второй предполагает, что всё же есть какой-то король, управляющий городом, но также второй утверждает, что он знает намерения короля (деизм).

Если бы я был королём того города, то безусловно задержал бы регулярность сигнализации светофоров для того, чтобы спасти людей и позволить всем скептикам выразить свою жалобу. Дело в том, что когда этот случай после нескольких недель был приведён в суд на рассмотрение, то молодой человек, который вёз товары, собрал большую группу свидетелей, которые засвидетельствовали, что красный свет также задержал их на весьма долгое время. Это приводит нас к следующей главе, в которой представляются исторические доказательства чудес.

